GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3-118-141

Between Custom and Empire: Kazakh Rulers Behavior during the Kalmyk Exodus of 1771

Zh. Kundakbaeva ✉
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
✉*janbekkun@mail.ru*

Abstract. The article examines nomadic strategic behavior in response to imperial practices of regulation and intervention. The key concept of the analysis is the political subjectivity of nomadic societies, manifested in a wide range of reactions—from loyalty and submission to selective cooperation, institutional adaptation, and resistance. The aim of this article is to demonstrate that during the Kalmyks' mass exodus to Dzungaria, the Kazakh rulers did not act in accordance with the expectations of the imperial administration, but were guided by their own interests and the logic of steppe diplomacy. The article argues that, despite formal assurances of loyalty to the Russian Empire, the actions of the Kishi Zhuz Kazakh rulers during the Kalmyks' mass exodus from Russia were largely demonstrative. Rather than undertaking decisive military measures, they operated within the logic of steppe diplomacy—flexible, situational, and grounded in the exchange of gifts, the collection of trophies, and independent negotiation. At the same time, their behavior also revealed a strategic interest: the exodus of the Volga Kalmyks was beneficial to them, as it promised to rid them of a long-standing and dangerous neighbor. In previous studies, with the exception of M. Khodorkovsky, nomads in Russia were viewed solely as objects of imperial policy rather than as independent historical actors. Furthermore, the authors did not take into account the uniqueness of their political, economic, and social system. Unlike previous historiography, this article considers nomads as independent political actors who were able to transform imposed models of governance in accordance with their own interests and social practices. In addition, the article draws on a substantial body of archival documents, many of which are introduced into scholarly circulation for the first time. It also represents the first attempt to apply discourse analysis to this material—a method that makes it possible to uncover how nomads understood and articulated concepts such as space, subjecthood, and loyalty. The main result of the study is a rethinking of the approach to historical sources. It is important to recognize that archival documents produced by imperial military personnel and officials reflect less the actual actions of nomads than the authors' own perceptions and interpretations of events. Adopting this perspective makes it possible to reconsider the behavior of historical actors—particularly nomads – beyond the confines of the imperial lens and to uncover the internal logic that guided their actions.

Keywords: Russian Empire; Kishi zhuz; Kazakhs; Kalmyks; nomads; ethnography of communications; rhetorical code; discourse of deception

© Кундакбаева Ж., 2025

For citation: Kundakbaeva Zh. Between Custom and Empire: Kazakh Rulers Behavior during the Kalmyk Exodus of 1771. *Gumilyov Journal of History*. 2025. Vol.152, no.3, pp.118-141. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3-118-141

Funding. This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (grant No. AP23489355 – Modernization of popular narratives in the history of Kazakhstan using public history methods).

Между степными нормами и имперскими ожиданиями: действия казахских правителей во время откочевки калмыков, 1771 г.

Ж. Кундакбаева

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается проблема стратегического поведения кочевников в ответ на имперские практики регулирования и вмешательства. Ключевым понятием анализа выступает политическая субъектность кочевых обществ, проявлявшаяся в широком спектре реакций — от лояльности и подчинения до селективного сотрудничества, институциональной адаптации и сопротивления. Цель статьи – показать, что в период откочевки калмыков в Джунгарию казахские правители действовали не в соответствии с ожиданиями имперской администрации, а руководствуясь логикой кочевой дипломатии. В статье утверждается, что несмотря на заверения в верности Российской империи, действия казахских правителей Kishi zhuz/Кіші жүз в 1771 г. во время откочевки калмыков носили преимущественно демонстративный характер. Вместо решительных военных мер они действовали в логике степной дипломатии — гибкой, ситуативной, основанной на обмене дарами, сборе трофеев и самостоятельных переговорах. В тоже время в их поведении просматривался и стратегический интерес: откочевка волжских калмыков им была выгодна, так как обещала избавление от давнего и опасного соседа. В предыдущих исследованиях за исключением М.Ходорковского кочевники в России рассматривались лишь как объекты имперской политики, а не как самостоятельные исторические акторы. К тому же авторы не учитывали уникальность их политической, экономической и социальной системы. В отличие от предшествующей историографии в данной статье кочевники рассматриваются как самостоятельные политические акторы, которые были способны трансформировать навязываемые модели управления в соответствии с собственными интересами и социальными практиками. Кроме того, статья опирается на большой корпус архивных документов, которые впервые вводятся в научный оборот. И, наконец, в статье впервые используется метод дискурс-анализа, который позволяет выявить те смыслы, которые вкладывали кочевники в понимание пространства, подданства и лояльности. Вначале в статье анализируются письма казахских правителей, которые выражают готовность остановить калмыков лишь на словах. На деле, выступая в образе верных подданных, казахи стремились извлечь выгоду и добиться уступок со стороны России. Затем представляются сомнения в лояльности казахов со стороны российских военных и чиновников. Далее рассматривается дискурс обмана в официальных объяснениях, почему казахам не удалось задержать калмыков. И, наконец, через обращения калмыцкого наместника Убаши к казахскому хану Нуралы, разбирается риторический код кочевников, основанный на степных нормах, этосе равенства и отражающий, что такое откочевка и

подданство для них. Основным результатом исследования является переосмысление подхода к историческим источникам. Важно осознать, что они не являются отражением объективной реальности, а несут в себе смысловые конструкции конкретных людей. Важно понять, что архивные документы, составленные имперскими военными и чиновниками, отражают не столько реальные действия кочевников, сколько представления самих авторов о происходившем. Такой подход позволяет переосмысливать поведение исторических акторов – в частности, кочевников — вне рамок имперской перспективы и выявлять внутреннюю логику их действий.
Ключевые слова: Российская империя; Kishi zhuz; казахи; калмыки; кочевники; этнография коммуникаций; риторический код; дискурс обмана

Для цитирования: Между степными нормами и имперскими ожиданиями: действия казахских правителей во время откочевки калмыков, 1771 г. *Gumilyov Journal of History.* T.152, no.3, c.118-141. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3-118-141

Финансирование. Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант No. AP23489355 – «Модернизация популярных нарративов в истории Казахстана методами публичной истории»).

Дала заңдары мен империялық үміт арасында: 1771 жылы қалмақтардың көшуі кезіндегі қазақ билеушілерінің іс-әрекеттері

Ж. Құндақбаева

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада көшпенділердің империялық реттеу мен араласу тәжірибелеріне жауап ретіндегі стратегиялық мінез-құлқы әрекеттері мәселесі қарастырылады. Талдаудың негізгі тұжырымдамасы көшпенді қоғамдардың саяси белсенділігі болып табылады, бұл өз алдына адалдық пен мойынсұнудан бастап, іріктемелі серіктестік, институционалдық бейімделу және қарсыласуға дейінгі кең ауқымды реакцияларда көрініс тапты. Мақаланың мақсаты - қалмақтардың Жоңғарияға қоныс аударуы барысында қазақ билеушілерінің империялық әкімшіліктің үміттеріне сай емес, көшпенді дипломатияның заңдылықтарына сүйене отырып іс-әрекет еткенін көрсету. Мақалада Кіші жүз қазақ билеушілерінің 1771 жылы қалмақтардың коныс аударуы кезіндегі Ресей империясына адалдығына кепілдік берілгеніне қарамастан, іс-әрекеттері, ең алдымен, көрнекі сипат алғаны тұжырымдалады. Шешуші әскери шаралардың орнына - икемді, жағдайға байланысты, сыйлық алу мен олжа жинауға және тәуелсіз келіссөздерге негізделген дала дипломатиясының логикасына сәйкес әрекет етті. Сол уақытта олардың іс-әрекетінде стратегиялық мүдде де көрінді: Еділ бойындағы қалмақтардың қоныс аударуы оларға тиімді болды, бұл жағдай көне және қауіпті көршіден құтылуға мүмкіндік берді. Бұрынғы зерттеулерде М.Ходорковскийден басқа, Ресейдегі көшпенділер дербес тарихи әрекет етуші ретінде емес, тек империялық саясаттың объектісі ретінде қарастырылды. Сонымен қатар авторлар олардың саяси, экономикалық және әлеуметтік жүйесінің бірегейлігін ескермеді. Алдыңғы тарихнамадан айырмашылығы, бұл мақала көшпелілерді өздерінің мүдделері мен

әлеуметтік тәжірибелеріне сәйкес өзге таңылған басқару үлгілерін түрлендіруге қабілетті тәуелсіз саяси әрекет етуші субъектілер ретінде қарастырады. Сонымен қатар, мақала ғылыми айналымға алғаш рет енгізілетін үлкен архивтік құжаттар жиынтығына сүйенеді. Сонымен бірге, мақалада көшпенділердің кеңістік, қол астылық және адалдық түсініктеріне сәйкес мағыналарын анықтауға мүмкіндік беретін дискурс-талдау әдісі алғаш рет қолданылады. Алдымен мақалада қалмақтарды тоқтатуға дайын екендіктерін сөзбен ғана білдірген қазақ билеушілерінің хаттары талданады. Іс жүзінде, адал қол астылар бейнесінде көрінгенмен, қазақтар пайда табуға және Ресей тарапынан жеңілдіктерге жетуге ұмтылуы көрініс тапты. Содан кейін орыс әскерилері мен шенеуніктерінің қазақтардың адалдығына деген күмәндері көрсетіледі. Әрі қарай қазақтар неліктен қалмақтарды ұстап қала алмағандығы туралы ресми түсіндірулердегі алдау дискурсы қарастырылады. Ақырында, қалмақ әміршісі Убашидің қазақ ханы Нұралыға жолдаған үндеулері арқылы дала нормалары мен теңдік рухына негізделген, олар үшін қоныс аудару мен қол астылық дегеніміз не екенін көрсететін көшпенділердің қалыпты түсінік жүйесі немесе риторикалық коды талданады. Зерттеудің негізгі нәтижесі тарихи дереккөздерге деген көзқарасты қайта қарастыру болып табылады. Олардың объективті шындықтың көрінісі емес, нақты адамдардың мағыналық мазмұн құрылымдарын жинақтайтынын түсіну маңызды. Патша билігінің әскерилері мен шенеуніктері құрастырған архивтік құжаттар көшпенділердің нақты іс-әрекеттерін емес, болған оқиға туралы авторлардың өз ойлары бейнеленетінін ұғыну қажет. Мұндай көзқарас тарихи субъектілердің, атап айтқанда көшпенділердің іс-әрекеттерін империялық назар тұрғысынан тыс қайта қарастыруға және олардың іс-әрекеттерінің ішкі ой жүйесін анықтауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Ресей империясы; Kishi zhuz; қазақтар; қалмақтар; көшпенділер; қатынас этнографиясы; риторикалық код; алдау дискурсы

Введение

В 1771 г. на степной окраине случилось «чрезвычайное событие»: волжские калмыки, которые считались подданными России с 1664 г. откочевали за пределы империи. Это был крайне тяжелый переход. Во время десятимесячного пути[1] более двух третей калмыков не дошли до Цинских границ[2]. После перехода реки Урал (в январе 1771 г.) весь путь калмыков проходил через территорию Казахстана – сначала Kishi zhuz/Кіші жүз, затем Orta zhuz/Орта жүз казахов[3]. Из дореволюционной литературы известно, что казахи своими набегами нанесли немалый урон калмыкам, как в материальном плане, так в плане и человеческих жертв. В данной статье целью является выявить мотивы поведения хана Kishi zhuz/Кіші жүз Нуралы-хана и подвластных им казахов, которые не остановили калмыков во время их ухода. В статье ищем ответ на вопрос: действительно ли казахская сторона была столь заинтересована в содействии России в задержании калмыков, как это представлялось в их донесениях в центральные и местные органы власти?

Изучение взаимоотношений двух кочевых народов, сравнение их реакции на действия со стороны России, которая стремилась вовлечь и удержать их в состав империи, представляет собой исключительно интересный случай. В большинстве исследований кочевники в России, как правило не рассматривались как самостоятельные исторические

акторы, а в основном как объекты имперской политики (Цюрюмов 2007; Горяев 2009; Горяев 2013; Команджаев 2009; Максимов 2021; Васильев 2020). При этом, уникальность их политической, экономической и социальной системы мало учитывались. Между тем, если анализировать их действия, поступки с точки зрения их системы понятий, ценностей и установок, можно подвергнуть ревизии государственно-центричный взгляд предыдущих исследований.

Исключение в предыдущей историографии занимают монографии известного американского историка М. Ходорковского. М. Ходорковский первый применил подход, когда изучал калмыцко-российские взаимоотношения с точки зрения культурной антропологии калмыков, уделяя особое внимание их представлениям. В этой книге американский профессор основное внимание уделяет кочевой логике и внутренним институтам калмыцкого общества, когда говорит об их отношениях с царской властью: договорных отношениях, обменах, встраивании в имперскую систему (Khodarkovsky 1992). В другой своей книге М. Ходорковский вводит понятие фронтира как социокультурного явления. При этом он рассматривает степь не просто как географическую границу, а как пространство постоянного конфликта и взаимодействия между оседлой и кочевой цивилизациями (Khodarkovsky 2002).

В данной статье наличие всего корпуса архивных документов Архива внешней политики Российской империи (далее АВПРИ) касательно откочевки калмыков, а также метод дискурс-анализа позволили прийти к утверждению: несмотря на заверения в верности Российской империи, действия казахских правителей Kishi zhuz / Кіші жүз в 1771 г. во время откочевки калмыков носили преимущественно демонстративный характер. Вместо решительных военных мер они действовали в логике степной дипломатии — гибкой, ситуативной, основанной на обмене дарами, сборе трофеев и самостоятельных переговорах. В тоже время в их поведении просматривался и стратегический интерес: откочевка волжских калмыков им была выгодна, так как обещала избавление от давнего и опасного соседа.

В первой части статьи представлены письма казахских владетелей, анализ которых показывает, что они лишь всячески выражали готовность остановить «беглецов». Однако в действительности, лишь создавали видимость таких усилий. При этом, выступая в образе «верных подданных», казахские правители стремились извлечь из ситуации выгоду и выторговать для себя определенные уступки со стороны России. Во второй части статьи предпринимается попытка взглянуть на действия и поведение казахов глазами военного и чиновника. Здесь рассматриваются сомнения в лояльности Нуралы-хана, высказанные полковником фон Траубенбергом[4] и князем Урусовым. В третьей части статьи анализируется дискурс обмана, сформировавшийся в официальной версии причин, по которым казахам не удалось задержать калмыков. Показано, что архивные документы, составленные имперскими военными и чиновниками, отражают не столько реальные действия кочевников, сколько представления самих авторов о происходившем. И, наконец, в четвертой части, через письма Убаши казахскому хану Нуралы разбирается риторический код, основанный на степных нормах, этосе равенства, взаимности и отражающий, что такое откочевка и подданство в понимании кочевников.

Методология, методы и материалы

В данной статье была использована постструктуралистская методология. Она позволила увидеть ключевые различия между русским пониманием и смыслами, которые вкладывали кочевники в такие понятия как «подданство», «откочевка», «дары», «территория и граница». Так, если в российском понимании «подданство» подразумевает собой подчиненность, безусловную лояльность царю, постоянные обязательства, то для кочевников «подданство» – это союз, со взаимными обязательствами, равными отношениями с возможностью разрыва. Если «откочевка» для российской стороны – это нарушение подданнических обязательств, побег, измена, преступление, то для кочевников «откочевка» – естественное право, способ разрешения конфликтов, поиск лучших условий, дипломатический инструмент давления. В имперском понимании дары – признание зависимости и символ покорности, а для кочевников дары – это взаимные обязательства. В категориях имперского мышления территория была фиксированной площадью земли, объектом власти и контроля, для кочевников же территория была жизненным пространством, потоком и циклом. Таким образом, поиск смыслов позволяет деконструировать значение русских архивных документов и за интерпретациями российской власти реконструировать собственную логику кочевых народов, которая представляла собой множество лояльностей, прагматичность союзов. Это дает возможность наделить кочевников собственной агентностью, то есть придать им статус самостоятельных действующих лиц, способных принимать решения, влиять на ход событий и формировать политические процессы, а не быть просто пассивными объектами имперской политики.

В нашем распоряжении оказались три огромных делах из Архива Внешней Политики Российской Империи (далее – АВПРИ) касательно откочевки калмыков из России[5]. Их общий объем составляет более полутора тысяч листов. Данные три дела представляют собой цельный комплекс документов. Наличие его позволяет рассмотреть ситуацию с разных точек зрения, сопоставить позиции различных участников событий и воссоздать их хронологическую последовательность.

Говоря об источниках, нельзя не упомянуть высоконаучное издание под редакцией И. Ерофеевой (Эпистолярное наследие 2014). Там можно найти письма казахских ханов и периода откочевки калмыков. Единственное ограничение, они даются в одностороннем порядке, без ответа адресата.

Основным методом стал метод этнография коммуникации – исследовательский подход, сочетающий методы этнографии и дискурс-анализа. При таком методе изучается как язык используется в различных культурных и социальных контекстах, для построения и поддержания отношений, согласования социальных значений. В контексте данной статьи данный метод позволил раскрыть разрыв между официальной интерпретацией событий и реальным поведением кочевников, демонстрируя столкновение двух различных политических культур и систем восприятия.

Литературный обзор

Рассматриваемые нами события 1771 г. называемые в историографии по-разному: «торгоутский побег», «массовый исход калмыков в Китай в 1771 г.» (Дорджиева 2002),

«переход калмыков из Восточной Европы в Центральную Азию», «последняя великая миграция кочевников» (Колесник 2016), «Великий исход» (Khodorkovsky 1992, 2002) постоянно привлекали внимание исследователей, начиная с XIX в. (Khodorkovsky 1992; Khodarkovsky 2002; Дорджиева, 2002; Колесник 2003; Кундакбаева 2005a: 243-278; Митруев 2023). В настоящее время можно подвести итоги изучения проблемы. К числу решенных проблем относятся: подведены изучения темы в российской, китайской, а также зарубежной историографии с XIX-XX вв., причины и ход откочевки, маршрут ухода, положение калмыков в Цинской империи, вопрос о численности покинувших Россию калмыков.

Но в работах, посвященных откочевке калмыков нет специальных разделов, посвященных казахско-калмыцким отношениям этого периода. Исключение составляет монография, где целый параграф посвящен этой проблеме (Кундакбаева 2005a, 2005b, 2019). Ценность параграфа состоит в документальной базе – цельному комплексу документов АВПРИ (из фонда 119: Калмыцкие дела) касательно ухода калмыков. Но с момента опубликования книги прошло больше двадцати лет, и за это время произошли большие изменения в исторической науке. Сегодня встает вопрос о том, что на основе архивных документов восстановлена российская оценка события, русский взгляд на действия кочевников. При этом, точка зрения самих кочевников осталась без должного внимания. К сожалению, в современной казахстанской историографии малозначительные публикации «больших ученых» без всякого анализа вновь и вновь воспроизводят разрозненные сведения дореволюционной историографии. В лучшем случае они опираются на статьи начальника штаба Уральских войск полковника Юрия Федоровича Костенко, который в 1869 г. в газете Уральские Войсковые ведомства опубликовал в трех номерах исторические очерки: «Бегство калмыков в Китай в 1771 году» (Юр.-Ко. 1869a; Юр.-Ко. 1869b; Юр.-Ко. 1869c; Юр.-Ко. 1869d). Спустя почти сто лет после откочевки Ю. Костенко доказывал, что казахи «упустили калмыков», поскольку они сначала их подкупили, усыпили бдительность и ушли под покровом ночи и вскоре пересекли китайскую границу.

Также в современной казахстанской историографии встречается версия-бравада. Без должной обеспеченности источниками! казахско-калмыцкие отношения во время бегства калмыков через земли казахов расцениваются как героическая страница в казахской истории. Это, объясняется неразграничением джунгар и волжских калмыков, поскольку в некоторых работах присутствуют мотивы «реванша» казахов над калмыками. Основными недостатками современных казахстанских работ является узость источниковой базы и не владение современным научным инструментарием, а также игнорирование предшествующей историографии.

Таким образом, подводя итоги изучения данного сюжета, хотелось бы сказать, что предыдущие исследования при трактовке действий казахских правителей во время откочевки калмыков, использовали не только российские архивные документы, но и взгляд российской администрации. Представления российских чиновников и военных о действиях казахов без всякого анализа перекочевали в современные научные работы. Никто не ставил вопрос, так, что чиновники и военные глубоко не понимают символику, логику поведения кочевых народов. В этом заключается глубокое отставание современной казахстанской науки от новейших методологических подходов, когда

в корне меняется отношение к источникам и их использованию. Ведь на самом деле, вопрос стоит глубже - онтологически. Отображает ли источник реальность напрямую? Позитивисты отвечали на этот вопрос положительно: источники – это прямая калька реальности, а задача историка – просто найти документ и составить текст из таких фрагментов. В данном случае мы исходим из установки, что кочевники и российская администрация по-разному понимали всё: что такое подданство, что значит откочевать, что есть верность и предательство, вражда и союз, как ведутся переговоры и какую роль играют дары.

Результаты

«При таковых калмыцких изменнических поступках киргизскому народу благодеяние оказано было бы». В нашем распоряжении имеются все письма казахского хана Нуралы оренбургской администрации в момент откочевки калмыков[6]. Письма показывают, что казахи всячески выражали готовность остановить «беглецов». Однако внимательный анализ свидетельствует о том, что на самом деле они лишь создавали видимость таких усилий. В то же время за свои старания, как «верные подданные», они стремились выторговать для себя что-либо у России. В тот момент, когда волжские калмыки *уже начали переходить на казахскую сторону реки Урал,* хан Младшего Жуза Нуралы, уже доподлинно знал, что они уходят из России. Тем не менее он поддержал «игру» оренбургского губернатора Рейнсдорпа (Кундакбаева, 2009). А «игра» его состояла в следующем: он старался скрыть от казахов факт откочевки калмыков из России как можно дольше. Так, 25 января 1771 г. Рейндорп писал, что калмыки переходят за Урал, чтобы напасть на казахов[7]. Об этом 3 февраля 1771 г. Рейндорп написал в Коллегию иностранных дел: «и киргиз-кайсацком Нурали хану дал знать, не открывая ему однако ж о побеге в Зенгорию, а только под таким видом… что вознамерились ныне бежать через реку Яик под киргиз-кайсацкие улусы паки на злодейство»[8]. В ответном письме от 25 января 1771 г. Нуралы хана, откровенно выражает недоверие словам оренбургского губернатора: «изволите сообщать, что волжские калмыки предприняли намерение переправясь через Яик и учиня на киргиз-кайсацкие улусы сделать злодейство о многолюдном собрании следуют». И хотя он благодарит губернатора: «за каковое ваше уведомление свидетельствую свою благодарность», во второй части письма уже вполне определенно говорит: «По нашему стороны слышанью они, калмыки не единственно для злодейства идут, что у них гонимый скот есть, потому почитают их в виде беглецов, о чем я моем письме писал»[9]. Затем, 1 февраля 1771 г. оренбургский губернатор пытался изобразить бегство калмыков из России как ответную реакцию на мероприятия правительства по защите казахов: «калмыки бежали от строго с них скота нашего взыскания»[10], Нуралы хан ему открыто возражает: «разумею, что не по причине строгого скота взыскания бежали. Мне из пойманных прошедшей зимы калмык сказывал, что всея калмыцкая орда одно намерение имеет, чтоб отсель бежать в Зенгорию. Я же вам передавал это через яицкого казака Матвея Бородина»[11]. И, действительно, ровно за год до откочевки, 15 января 1770 г. передал Рейнсдорпу сообщение (через казацкого старшину Бородина) о том, что калмыки хотят откочевать в Джунгарию: «Сего января был я у киргиз-кайсацкого Нуралы-хана, который объявляет, что калмыки, в том числе

и Шеаренг мурза не хотят более кочевать при здешних местах, а имеют намерение отойти в Зенгорию»[12]. Тем не менее, когда он своими глазами видит, что калмыки массово переходят реку Урал, Нуралы-хан изображает неведение: «но на войну ли идут те люди или бегут того я не знаю»[13]. На самом деле, Нуралы-хан прекрасно понимал, что калмыки, «показав измены бежали» из России. Об этом говорят такие фразы письма: «от своих улусов, кочующих на карауле узнал, что через нижнее течение Яика увидели они много калмыков со скотом переходящих на степную сторону»[14]. Упоминание скота здесь принципиально. В контексте кочевого образа жизни очевидно, что при барымте — то есть насильственном захвате чужого скота – нападающие не берут с собой собственные стада. Напротив, наличие скота у переходящих ясно указывает на то, что речь идёт не о баранте, а о массовой кочевке. Как правило, кочевники передвигаются со скотом в двух случаях: во-первых, при сезонной смене пастбищ, и во-вторых, при откочёвке от одного правителя к другому. Таким образом, Нуралы-хан в своих письмах демонстрирует риторику лояльности, сочетаемую с имитацией незнания и недоумения. В начале откочевки он последовательно воспроизводит один и тот же мотив – стремление остановить бегущих калмыков и служить интересам империи. Однако эта лояльность не безусловна. При ближайшем рассмотрении становится ясно, что его послания выстроены по логике скрытого торга: хан предлагает лояльность в обмен на определенные уступки со стороны центра.

Так, письмо Нуралы-хана своему сыну Бек-али, аманату при русском дворе на первый взгляд представляет собой просто его сообщение сыну о бегстве калмыков. Но структура письма и тональность позволяют понять, что это не просто передача информации, а целое политическое послание российскому правительству. Основной объем текста занимает не описание откочевки, а риторика преданности: «выступил в поход, силою возвращения их», «для оказания ревностной службе Ее Императорскому Величеству, постараемся оных бежавших калмыков возвратить». Повторение лексем, связанных с верностью и службой, создает эффект подчеркивания политической лояльности. Это сообщение предназначено не столько для сына, сколько для предполагаемого русского адресата письма (ведь письма аманатам не могли быть строго приватными и, скорее всего, проходили через цензуру). В то же время истинное намерение автора – требование освобождения сына – маскируется в завершающей части письма. Такой прием характерен для дискурса подчиненного, стремящегося навязать повестку более сильной стороне. Формулировка: «есть ли б и ты... немедленно назад отправлен был...» звучит как условное наклонение, но, по сути, выполняет функцию предложения: если вы вернете моего сына, я смогу предоставить вам большую военную поддержку. Таким образом, язык письма служит орудием дипломатического маневра. Хан искусно соединяет традиционные выражения подданнической покорности с политическим расчётом. Тем самым он создает многослойный текст, в котором внешняя преданность становится обменной монетой, направленной на освобождение заложника[15].

Следующий момент – стремление казахского хана и султанов извлечь максимальную выгоду в сложившейся ситуации. В своих посланиях они сознательно выстраивают контраст между калмыками, бежавшими из-под власти империи, и собой – преданными и покорными подданными. Это противопоставление выполняет не только идеологическую функцию, но и имеет вполне прагматическую цель: продемонстрировав свою

лояльность, казахские лидеры рассчитывают получить преференции от Петербурга. Например, в письме от 1 февраля 1771 г. Нуралы-хан после жарких уверений в преданности делает в конце маленькую приписку: при таковых калмыцких изменнических поступках киргизскому народу благодеяние оказано было и оному народу куражно было услуги их с верностью делать, чего ради прошу пойманного и у Вас находящегося безвинно байбактинца Джаная и тазларских людей неудержанно отпустить, и меня перед тем народом успешным сделать, и тем с вашей стороны подкрепить в хорошее поощрение[16]. Также поступает его брат султан Айчувак. Он уведомляет Рейнсдорпа, что стоит в устье реки Эмбы и готовится напасть на калмыков, но в конце письма делает такую приписку: «свою семью оставил при реке Илек, а сам под калмык выехал, при чем домашним мои потребность сделалась в одежде и протчих домашних вещах, на покупку которых у вас на торговлю прошу пожаловать определенное мне жалованье на сей год выдать[17].

И, наконец, один из главных мотивов – казахский хан и султаны, рассматривали находящихся в бегстве калмыков как удобный случай для баранты. Так, 18 марта 1771 г. султан Айчувак напал на калмыков на реке Эмба и взял в плен 150 человек, «да несколько скота и экипаж в добычу получил». Сам Нуралы 20 марта напал на калмыков, «большую драку выдержал, убив 600 человек обоего пола с детьми, скота и экипажа в добычу получил». 23 марта Айчувак хотел опять «разживиться добычей, поехав потаенно вышед из большого войска с малыми людьми потаенно поехала за калмыками на речку Эмба, но калмыки, разбив его обратили назад, убив 6 человек, да 3 взяв в плен»[18]. В целом, казахи избегали нападать на основные силы калмыков, довольствуясь скотом и добром, которые оставили калмыки. Во многих донесениях было отмечено, что «из калмыцкой дороги киргиз-кайсаки ежедневно верблюдов, лошадей, рогатого скота и баранов присталых приводят довольное число»[19]. П. Рычков в своем письме к Миллеру также отмечает этот факт: «Киргизцы не отважились явным образом на них нападения делать: однако ж следуя по шляхам их партиями подбирали оставшее и брошенное от них: а тем и поживились. Многих киргизцев убили на сражении, и более тысячи человек муж и жен пола к себе плен захватили, а лошадей до 5 тыс отогнали. Захватили они тут и кибитку Нуралы хана со всем тем, что в оном находилось»[20]. Таким образом, в данной части были рассмотрены основные мотивы поведения Нуралы-хана в момент откочевки калмыков. В своих многочисленных письмах Нуралы-хан демонстрирует лояльность, многократно заверяет в преданности и готовности действовать в интересах империи. Однако за этой риторикой просматриваются стратегии, характерные для политической культуры степной знати. Хан стремится использовать кризисную ситуацию в собственных интересах: добиться освобождения аманатов, выторговать уступки или привилегии от российской администрации, а в ряде случаев совершить баранту. Подобное поведение отражает не столько личные черты Нуралы-хана, сколько модели поведения степной знати. Оно было основано на гибкости и умении лавировать, а не безусловной преданности центру.

«Сколь они в верности надежны?». Как уже не раз отмечалось в нашем распоряжении имеется вся совокупность документов АВПРИ об откочевке калмыков. Поэтому мы имеем возможность взглянуть на действие и поведение казахов и глазами официальных лиц. В данной части рассматриваются сомнения в преданности Нуралы-хана, высказанные полковником фон Траубенбергом и князем Урусовым. Полковник фон Траубенберг в

рапорте оренбургскому губернатору Рейнсдорпу от 13 мая 1771 г. представляет отчет о преследовании калмыков и при этом дает следующую оценку действиям казахского хана Нуралы: «и хотя усердие ево хана, равно ж и Айчувак салтана, доброжелательство и во всем мне спомоществование на словах, только я приметил. А в самом деле, как владельцов, их киргизцы ни в чем не слушают. Кто хочет, едет, а кто не желают, то уже и в улусы разъехались. К тому же и ***за калмыками их следование собственно для своей добычи, а не из усердия к России,*** которой их доброжелательство еще ниже сего явствует»[21]. В военном рапорте полковника фон Траубенберга действия Нуралы-хана и казахов представлены как проявления ненадежности, равнодушия и даже обмана по отношению к интересам Российской империи. В доказательство ложной лояльности фон Траунберг приводит три факта. Его нарратив строится как последовательная эскалации претензий к казахскому хану. Первая претензия полковника состояла в том, что хотя своих письмах Нуралы-хан уверял оренбургского губернатора «о неустанных стараниях по преследованию калмыков», на деле, не предоставил полковнику запрошенных лошадей, хотя и обещал. В конце концов, продал лошадей по двадцать рублей:

«Потом крайняя и необходимая моя нужда была и есть подвоз артиллерии в лошадях, так как от усиленнего следования три лошади пали и две больны, а протчие во всем так пристали, что едва ведутся. Потому и просил Нурали хана разным образом помог мне лошадьми. И хотя сперва на словах, а не делом обещание ево и было в продаже каждой лошади по 20 рублей, а напоследок ничего не сделалось, а он объявил, что он киргиз-кайсаков к тому принудить не может, с чем то и дело осталось. А только по той цене, хотя они и больше половины не стоят, но необходимости куплено три лошади, и я теперь под своз артиллерии употребляю их и казачьих с переменной, но только не верховых, а вьючных лошадей, с за платою и сообщением им за то прогонных денег»[22].

Так, фон Траубенберг подчёркивает, что Нуралы-хан, «несмотря на бесконечные письма к оренбургскому губернатору о своих неустанных стараниях», фактически отказал в помощи, когда речь зашла о предоставлении лошадей для подвоза артиллерии. Лошади в итоге были проданы по завышенной цене — по 20 рублей за голову, — хотя и «не стоят и половины этой суммы», как уточняет автор рапорта. Языковые конструкции типа "обещание ево и было... а напоследок ничего не сделалось" подчеркивают разрыв между словами и делами, что служит ключевым дискурсивным ходом в формировании симуляции лояльности. Более того, фон Траубенберг обвиняет казахов в похищении одного казака и четырёх башкирцев из его отряда, направленного на поддержку Нуралы-хана, а также выражает подозрение, что они намеревались отогнать табуны лошадей, находившиеся в его распоряжении[23.] И, наконец, Фон Траубенберг фактически обвиняет Нуралы-хана в равнодушии.

В рапорте он писал: «соизволите усмотреть, сколь они в верности надежны, и какие помощники во время нужды [...] быть бы могли: особливо, потому что они начальникам непослушны, да и начальники ко всему тому согласны»[24]. Более того, фон Траубенберг уличает Нуралы-хана в обмане. По его словам, хан утверждал, что его отряд окружил калмыков, однако, как замечает сам фон Траубенберг, «то вместо того калмыкам по ветреному своему состоянию и показаться не смеют». В связи с этим он был вынужден 10 мая отправить вперед разведывательный отряд, который «прошёл до 200 верст, вплоть до горы Улутау», но так и не обнаружил ни самих калмыков, ни достоверных сведений

о них, ни даже свежих следов их пребывания. Таким образом, рапорт полковника фон Траубенберга представляет собой дискурсивный акт, в котором подвергается сомнению преданность Нуралы-хана Российской империи. Через последовательное изложение фактов — от отказа предоставить помощь лошадьми до обвинений в дезинформации и попустительстве похищениям — фон Траубенберг не только фиксирует конкретные эпизоды, но и формирует образ хана, чьи действия противоречат декларируемой лояльности.

Независимо от него такое же сомнение выражает Матвей Арапов, переводчик при оренбургском губернаторе И. А. Рейнсдорпе. В своем рапорте о неудачном преследовании калмыков, он писал:

«А хан киргис-кайсацкой в препятствии им калмыкам, хотя и усердствует крайне, только видно продолжает оное единственно только для своей корысти, а не для желаемого успеха. А хотя он хан с салтанами и киргисцами на сражение с ними и послужились, только калмыки, как я наведаться мог, больше, нежели киргисцов удачи имели, а сколько киргисцов побито, о том они не сказывают, а захвату с обеих сторон людей довольно»[25].

Таким образом, рапорты как фон Траубенберга, так и Арапова свидетельствуют о нарративе сомнения в лояльности Нуралы-хана. Подобные тексты участвуют в производстве образа ненадежного союзника – фигуры, чья внешняя демонстрация верности оказывается подорванной логикой фактов, интерпретируемых как проявления корысти, равнодушия или скрытого саботажа.

«Вдруг в ночное время по оплошности киргизской…». 22 ноября 1771 г. В императорском совете рассмотрели сообщение иркутского губернатора из китайского трибунала «о принятии в покровительство наших беглых калмык» (Дорджиева, 2002: 116). Как показывают документы, между казахами и калмыками во время ухода калмыков через земли казахов, не состоялось серьезного сражения. Хотя есть достоверные сведения, что объединенные силы всех трех Жузов ожидали калмыков у озера Балхаша. Тем не менее, калмыки смогли прорваться сквозь их кордон и дойти до китайских границ. Почему казахи не смогли остановить калмыков при их последнем переходе? В историографии вновь и вновь воспроизводится дискурс «обмана» – казахи оказались обмануты калмыками. Как мы можем увидеть данный дискурс напрямую перекочевал из российских архивных документов.

В АВПРИ сохранились три документа, в которых представлены три версии, почему объединенные силы казахов «упустили калмыков». Первый рассказ мы слышим из уст Нурали-хана: «Он, хан по отделению от них (российского войска), преследуя калмык соединились с Средней и Большой ордою с большим войском при урочище Ушун Кунрат, но как де помянутый Средней Орды Аблаев народ, выступив из ближних мест на сытых лошадях, то де они и предуспели прежде на калмык напасть, однако де они, калмыки, обратили их в бегство. Между тем, он со своей Меньшей Орды войсками, напав на них сбоку сражение произвел. И, обратя их, калмык, в бег, мечу их предали и 3 пушки отбили. И так держав в безводном и пещаном месте в блокаде, три дня сражались. И когда де уже взять их они предпринялись, то ночью скрытно Аблай салтан с калмыцким наместником Убушею и с протчими владельцами, не дав ему хану знать, учинили между собой сношение. И как де наместник с владельцами обещали дать девку и в приданое холопей

и множество вещей, то потом и по опасности от соседних китайцов, с которым де он сношение имеет, возжелал с ними калмыками быть в мире, сделав с ними договоров, со стороны воды отворил им путь и пропустил…Средней Орды, рассердясь на него Аблая, возвратилось и войско Большой Орды возвратились, … и он возвратился»[26].

Вторая версия звучит в отчете казацкого атамана Волошанина. Он был отправлен с тремя казаками для «разведывания состояния дела и оборотов ушедших из подданства российского калмыцкого стану и для осведомления в каком намерении китайская сторона в рассуждении тех калмык находится». Он пишет, что Нурали-хан с войсками пришел позже других. Ему плена досталось мало и о с войском своим ушел обратно[27].

И третье сообщение от Станиславского[28] от 21 ноября 1771 г.: «9 июля вызванные в лагерь киргизский старшина Хожи Берды Батыр через толмача объявил, что слышали они, что еще весною калмыки от кирзгиского многочисленного войска побеждаемы были при озере Балхаш, и напоследок и в осаде. Видя себя к обороне против киргизцов не в состоянии, просили киргизского владельца Аблай салтана с выдачею от себя 30 кольчуг, 30 ружей, 30 верблюдов, 30 человек калмык в услужение и прочих подарков о принятии их калмык в их киргизское подданство с обнадеживанием верностью у них в подданстве находится. И как де на то Аблай салтан с протчими салтанами и старшинами, польстясь на те подарки их в подданство свое принять согласился и друг с другом дружески обходиться стали и довольным числом лошадьми и скотом за промен от калмык своих товаров, их калмык снабдили…то де вдруг в ночное время по оплошности киргизской сделав шкоду, убийством нескольких людей, со всем кошем бежали вперед к реке Ильле и дошед до гор Уч Алматы остановились»[29]. Именно сведения Станиславского, полученные из рук казахского старшины, были использованы Коллегией иностранных дел как официальная точка зрения.

В документе «Краткое известие о восстании торгоутовских калмыков против царского правительства и их бегство в Зенгорию» повторяется предыдущий рассказ о том, как казахи упустили калмыков звучит как официальная версия: «наместник ханства калмыцкого отдался со всеми владельцами на волю киргисцов и затем, послав от себя нарочных к знатных киргизским султанам и старшинам требовали, чтобы с обоих сторон дельным людям выйти на середину и условиться о примирении. Сие учиня, якобы действительно договорились на том, чтобы быть калмыкам у киргисцов в послушании, а из сего, так как и покоренные и помирившиеся просили, дабы купцам владетели дозволили всем киргисцам своим производить с калмыками торг и мену. Киргисцы не знали хитрости и коварных планов, охотно согласились на то. Калмыцкие владетели приказали калмыкам панцыри и прочие свои вещи, сколько возможно больше и дешевле променивать на лошадей. Когда же усмотрели, что все их калмыки опять справились лошадьми, то ночною порой, вооружась, поднялись и пошли вдаль. Киргисцы уже на другой день, узнав, что обмануты калмыками, собрались и пошли за ними в погоню, но, нагнав их при одной реке, на другой стороне увидели китайское войско. Они думали, что китайцы против калмык вооружились и сделают нападение на калмык, но вместо того получили они от китайских начальников в ответ, что калмыки уже приняты в китайское подданство и дня с того, оставили бы они их в покое»[30].

Данный фрагмент представляет собой ценный материал для дискурс-анализа. Текст построен вокруг утверждения об обмане казахов со стороны калмыков. На деле текст

выявляет не столько особенности поведения кочевников, сколько границы имперского восприятия. Российские военные и чиновники интерпретировали поведение казахов через призму административной логики: подданство — как постоянная и безоговорочная покорность, выполнение приказов понималось как безусловное послушание, территория как подконтрольная России пространство. В то время как у кочевников была своя логика. Для них подданство носило характер гибкой, договорной лояльности, основанной на взаимной пользе и ситуативной выгоде, а не на безусловном подчинении. Поведение же отличалось ситуативностью. А союза были временны. Фраза «калмыки «действительно договорились… быть у киргисцов в послушании» говорит о том, что автор текста интерпретирует их отношения как вассалитета и подчинения. В то время как кочевники имели ввиду временное соглашение о защите, которое носило прагматический и сугубо инструментальный характер. Частью дискурса обмана является фраза калмыки «променивали панцири… на лошадей». Слово променивали указывает на неэквивалентность обмена. На самом деле данный обмен был средством удовлетворения взаимных интересов обеих сторон: казахи получили оружие, калмыки – лошадей и возможность прохода в Китай. Заключительная фраза, где китайское начальство утвердило подданство калмыкам также выглядит как удар по доверию казахов. На самом деле, и казахи, и калмыки рассматривали продвижение калмыков через территорию Казахстана как коридор на пути к Цинской империи. Таким образом, в официальной версии, почему казахам несмотря на все их усилия, не удалось остановить калмыков выражен русский взгляд, который упрощает сложные взаимоотношения двух кочевых обществ. Вся структура нарратива демонстрирует дискурсивное непонимание двух политических культур – имперской и кочевой. Имперские чиновники пытались интерпретировать действия кочевников через иерархические модели, через категории верности, подданства и измены. В то время как логика кочевой дипломатии строилась на гибких союзах, ритуальных обменах и ситуативной лояльности.

Станиславский также демонстрирует полное непонимание и символики поведения кочевников. К примеру, эпизод о вручении даров Аблай султану звучит как обвинительный нарратив, а сами дары трактуются как средство подкупа, бегство же калмыков изображается как предательство. Но если смотреть с точки зрения кочевой культуры, то дарение выступало не столько как символ подчинения, сколько как признание силы и просьба о защите. Дар у кочевников, по сути дела, заменял формальный договор в европейском понимании. В данном же случае договор служил залогом временного союза, необходимого для безопасного прохода калмыков через земли казахов. Особое внимание заслуживает состав дара и его числовое выражение – четыре раза по тридцать. Повторяющееся число тридцать не может быть случайным. С точки зрения буддийской символики, которой придерживались калмыки, число три считается сакральным: оно символизирует «три драгоценности» (санскр. triratna) — Будду, Дхарму и Сангху (Ярмаркина 2022: 1178; Омакаева 2001). Умножение этой триады на десять указывало на умножение сакрального смысла и придавало дару форму ритуального акта. Можно сказать, что это был отголосок тамырства у казахов/анда у калмыков, социального института побратимства. Конечно, в это время институт тамырства «был низведен до банального обмена материальными ценностями», утратив такие элементы как альтруизм и «перемешивание в перемещаемых вещих части сущностей обоих друзей»,

то есть символическое «подношения каждым из побратитмов своего «Я» в знак полного доверия, предопределяя тем самым судьбу данных отношений» (Сураганова 2009: 177). Таким образом, дары имели не только практическую ценность, но и несли в себе кодированное послание, понятное кочевникам, но не доступное российским чиновникам и военным.

«Россияне пусть останутся в своем, а мы калмыки и кайсаки…». В нашем распоряжении имеются письма наместника Калмыцкого ханства Убаши казахскому хану Нуралы. Тексты писем очень выразительны несмотря на то, что это переводы. В первом письме говорится: «Россияне пусть останутся в своем, а мы калмыки и кайсаки бывали между собой: со злодеями злодей, а с мирными – мирными. В мирном же случае не за родными мы почитались, при жизни отца моего каким образом выпало вы сами знаете: что не в миру мы находились, хотя не большое взаимное воровство и бывало, однако от вас к нам, а от нас к вам посылаемы бывали. …А издревле калмыки так и вы соседями почитались. А ныне отдалились. Однако для лошадей далеко быть не может. Для чего души наши не погубите. Заедете ль или не заедете вы сами знаете. Ибо бывает и когда выигрыш, а когда и проигрыш. Пусть как будет. Однако у нас еще генеральной схватки не бывало: спокойнее мирного пребывания быть не может. Сие мое слово затолковав, и подумав пришлите ко мне ответ. А посылаемому ко мне посланцу вашему отнюдь худой поступок не будет»[31].

Ставит в известность: «издревле не бывалое сие весьма большое дело произошло и в смятение нас привело. От стороны российской причиненные нам разорением и противными делами, что мы, торгоутцы вспомня свой закон и отчество пошли хотя с таким намерением, чтоб отбыв, с вами во всяком добром мире пребывали. Токмо за огорченнным нашим духом наперед тебе о том знать дать не могли. А хотя известие держать и хотел было, но между тем человек ваш, именуемый Яманкара, предводителствуя тысячу человек войска ради учинения над нами поиску приехав, на карауле стоящим нашим войском будучи разбит бежал. За которым погнавшиеся вслед как багажу, так и людей взяли. Россияне пусть останутся в своем, а мы калмыки и кайсаки останемся между собою: со злодеями злодей, а с мирными – мирными. В мирном же случае не за родными мы почитались. При жизни ж отца моего каким образом выпало вы сами знаете: что не в миру мы находились, хотя не большое взаимное воровство и бывало, однако же от вас к нам и от нас к вам посылаемы бывали»[32]

Другое письмо от 15 апреля 1771 г. содержит подробное объяснение, почему они уходят из России: «Нурали-хан сим объявляю вам, что от начатия торгоутам таких налогов как ныне не бывало, от которого весь народ пришел в колебленность и беспокойстве, почему и не возжелали над собой иметь начальства российского и желая видеть своих единомышленников и прежние нашего пребывания места покочевали от России с таким намерением, что мы свободно перейдем через вашу землю Будучи в большой печали, прежде всего вам посланца отправить не мог. А напоследок хотя и намерились отправить, но между тем, под предводительством вашего подвластного человека Яман кары, который для разграбления нас выехал и во время следования повстречались с отводным нашим караулом, обратились в бег, а наш караул гнавшись вслед за нею получил в добычу некоторое число людей и скота….[раньше] во время мирного нашего пребывания родством не обязывались, а при жизни отца моего в каком

состоянии мы находились и вам самим известно, токмо и в мое время жили с вами с согласии. А между хотя и были и воровские люди в том с просьбою ни от меня к вам, ни от вас ко мне посланцы не приезжали. Но о тех происходящих делах по древнему наших предков обыкновению, о которых и вам небезызвестно, разбираться будем. …но ныне от оной хотя и удаляемся… есть ли хотите теперь что-нибудь от нас отнимать, то состоит в воле вашей. Однако есть такие люди, которую обиду свою мстят, а есть и такие, что оную и оставляют. Но чтобы вы нас столько разоряли такой еще от нас обиды вам не показано. Не того лучше, как жить мирно»[33].

Тексты писем Убаши являются хорошим образцом степной дипломатии в момент кризиса. Они не столько извещают, сколько посылают риторический код, основанный на степных нормах, этосе равенства, взаимности и отражают, что такое откочевка в понимании кочевников. Противопоставление «Россияне пусть останутся в своем» акцентирует границу между оседлой и кочевой политической культурой, между «свой» и «чужой». Убаши подчеркивает, что он обращается не как подданный России, а равный кочевой правитель, который говорит на одном языке, языке степной дипломатии и степных норм.В письмах закодирована идея ситуационной этики кочевой политики. Взаимные набеги обозначены как обычаи предков, а конфликты – часть жизни, но не препятствие к диалогу. В посланиях уход калмыков трактуется не как акт измены, а как право кочевого народа. «вспомня свой закон и отечество пошли». Слово «закон» подразумевает религиозную норму, основанную на буддизме и моральным порядком, нарушенным вмешательством России. Под «отчеством» имеется ввиду сакральный ландшафт, связанный с предками и старыми порядками.

Хорошей иллюстрацией степной дипломатии являются также донесение кн.Урусова оренбургскому губернатору о том, что Убаши прислал посланца к Нурали-хану с «тем, что за детей его выдаст хороших своих людей, дочерей и будет сватом, сверх того прежде взятых лошадей и баранов ныне отдаст, только бы хан дал ему дорогу»[34].

Также из его донесения мы узнаем, что Убаши одновременно просит и Аблай султана дать им дорогу: «Токмо слышали мы будто Средней Орды Аблай салтан калмыцкий владелец Шеаренг да Бамбур писали, обещая 100 хороших калмыцких девок, чтобы дал он им дорогу»[35].

Предложения Убаши выдать дочерей и быть сватом», «отдать лошадей и баранов», а также «отдать 100 калмыцких девок» раскрывают практику использования женитьбы и дара в качестве дипломатического инструмента. Для кочевников вступить в союз в родовом, телесном смысле был ритуализированным жестом, который демонстрировал добрую волю, миролюбие. Такой акт имел сакральное значение и обозначал вступление в сеть взаимных обязательств, закрепленных обменом дарами и браком. Предложение отдать «100 девок» следует понимать не буквально, а как гиперболическое обозначение сильного намерения, огромного стремления к союзу.

Таким образом, приведенные тексты являются хорошей иллюстрацией того, что степная политическая культура радикально отличается от логики Российской империи, основанной на бюрократическом контроле, иерархической вертикали власти и православно-христианской этике подданства. Для кочевой дипломатии были характерны гибкие формы взаимодействия, тогда как российская модель предполагала фиксированный статус подданного.

Обсуждение

В историографии кочевничество долгое время рассматривалось сквозь призму европейского колониального и имперского взгляда как форма «отсталого» или «промежуточного» существования, противопоставленного оседлой цивилизации. Однако в последние десятилетия категория «кочевник» пережила методологическое и политико-теоретическое переосмысление. Особенно показательной в этом смысле является коллективная дискуссия пяти современных исследователей в журнале “International Political Sociology”. Хотя концепт «кочевник» анализируется для осмысления транснациональных процессов и нестабильных идентичностей в глобализированном мире и оценивается как исторически нагруженная и одновременно продуктивная категория, для нашей статьи является важным положение о том, что необходимо критически исследовать не только кочевые общества, но и сам язык, в котором мы их описываем. Это имеет важное значение для анализа кочевников в Российской империи, поскольку степные народы попадали под воздействие имперского дискурса, где кочевничество выступало не только для описания образа жизни, но и как способ легитимизации вмешательства подчинения и «цивилизаторских» проектов (Howarth et al 2024).

В последние годы в гуманитарных науках усиливается критическое внимание к тому, как образы кочевников конструируются не только извне – колониальной или государственной оптикой, – но и изнутри самих обществ. Так, Orhon Myadar анализирует, как внешние представления о Монголии как «стране кочевников» переплетаются с автостереотипами, тиражируемыми самими монголами (Myadar 2021). Автор показывает, что кочевая идентичность в монгольском контексте – это не просто форма хозяйствования, а результат сложного пересечения экологических, политических и постколониальных дискурсов. Особенно важно, что книга указывает на противоречие между устойчивым образом «свободного кочевника» и реальными историческими ограничениями мобильности, наложенными государственными институтами с эпохи Цин до постсоциалистического времени. Эти наблюдения могут быть методологически полезны для анализа случая казахов и калмыков, где внешние и внутренние представления о кочевом образе жизни также вступали в напряжённые отношения (Myadar 2021).

Таким образом, взгляд на кочевничество как на дискурс, обусловленный имперской политикой, и постановка вопроса о том, что сами кочевники в своих действиях руководствовались собственными представлениями и логикой является важным постулатом для данной статьи.

Заключение

Таким образом, исследование реакции казахов и калмыков на вовлечение в имперскую систему России является очень показательным случаем продемонстрировать результаты столкновения кочевников с окружающим миром. Это был глубинный конфликт между кочевым миром и имперским порядком. Изучение данной проблемы позволяет выявить, что в основе конфликта лежало фундаментально разное понимание таких ключевых понятий как территория и граница. Для кочевников территория воспринималось как сезонные пастбища, а граница понималась как естественное право рода на территорию,

основанное на родовой памяти (Бакаева 2009: 16). Кочевание было естественным состоянием, обусловленным практической необходимостью. Для империи же граница была административной линией, которая должна была охраняться и контролироваться. Откочевки воспринимались кочевниками правом поиска лучших условий, в глазах же имперской администрации откочевка понималась как акт нелояльности или даже мятежа. Для империи же граница была административной и фиксированной, требующей охраны и контроля. Любое движение через неё без санкции рассматривалось как нарушение порядка. Подданство не подразумевало безусловной покорности, а рассматривалось как временный, ситуативный союз, продиктованный обстоятельствами. Несовместимость имперского порядка с восприятием кочевниками пространства и принадлежности стало глубинной причиной трагедии калмыков. В действиях казахов, которые, по мнению российской администрации, «упустили калмыков» и были ими обмануты, прослеживается не столько верность империи, сколько прагматичный расчет, укорененный в кочевой политической культуре. С одной стороны, они охотно приняли дары как знак признания их силы и средство установления дипломатического контакта. С другой – собирали трофеи и совершали баранту, что являлось привычной частью военной экономики степи. Наконец, в их действиях просматривался и стратегический интерес: откочевка волжских калмыков обещала избавление от давнего и опасного соседа. В соответствии с современными подходами гуманитарных и социальных наук, исторические источники не рассматриваются как прямое отражение действительности или «зеркало событий». Каждый документ следует анализировать с учетом авторства, жанра, политического контекста и культурных установок его создателя. Реальность в источниках не просто фиксируется, но конструируется – через язык, нарративные стратегии и нормативные ожидания, встраиваемые в текст. Такой подход позволяет переосмысливать поведение исторических акторов – в частности, кочевников – вне рамок имперской перспективы и выявлять внутреннюю логику их действий.

Acknowledgments

I express my sincere gratitude to the anonymous reviewers for their valuable comments and suggestions, and to the editorial team for the professional support provided in the preparation of this article.

Алғыс білдіру

Мақала авторының жұмысын дайындауда көрсеткен кәсіби қолдауы үшін редакцияға, сондай-ақ құнды ескертулері мен ұсыныстары үшін аноним рецензенттерге шын жүректен алғысымды білдіремін.

Благодарность

Выражаю благодарность анонимным рецензентам за ценные замечания и предложения, редакции за профессиональное сопровождение авторской статьи.

Примечания

1. Калмыки начали откочевку в январе 1771 г., а 22 ноября 1771 г. в императорском совете рассмотрели сообщение иркутского губернатора из китайского трибунала «о принятии в покровительство наших беглых калмык» (Дорджиева 2002: 116).

2. По подсчетам В. Колесника (Колесник 1997) перешли границу и стали подданными Цинской империи только 20% калмыков. Е. Дорджиева считает, что до цели дошли чуть более 40% калмыков. Как бы то ни было, большинство авторов сходится во мнении, что число дошедших до Джунгарии составило 75.000-85.000 человек. Следовательно, погибли в пути, попали в плен, просто не дошли до Джунгарии – 126.896 – 136.896 человек, то есть более чем две трети калмыков.
3. Во второй половине XIX в. А.Левшин сделал переводы названий казахских жузов, и с тех пор они широко разошлись в литературу. В таком виде названия жузов в русском звучании используются и поныне. На сегодняшний день данный вопрос требует серьезных исследований. Поскольку переводы названий искажают исконный казахский смысл. К примеру, авторы, то пишут «Малая Орда» (имея ввиду размеры территории), то переводят как» Младший жуз» (имея ввиду старшинство?). Поэтому предлагаю названия жузов писать в казахском виде, не переведя на русский или какой-либо язык.
4. Траубенберг, фон, Михаил Михайлович (1722-1772) – генерал-майор возглавлял отряда отправленный для преследования покидавших Россию кочевников.
5. Грамоты к калмыцкому наместнику Убаши, рескрипты к астраханскому губернатору Бекетову, Указы из Коллегии иностранных дел (далее КИД) полковнику Кишенскому, письма и прошения Убаши к Императрице Екатерине II, к Великому кн. Павлу Петровичу и экстракты переписки Убаши с гр. Паниным. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). ф.119, оп.119/2, д.30; Дело об отгоне калмыками от киргиз-кайсаков лошадей и о подозрении первых в намерении откочевать из России. АВПРИ. ф.119, оп. 119/2. 1767-1770, д.31; О побеге волжских калмыков за границу из России и преследовании их россиянами. АВПРИ. ф.119, оп. 119/2. 1771-1772, д.34.
6. Грамоты к калмыцкому наместнику Убаши, рескрипты к астраханскому губернатору Бекетову, Указы из Коллегии иностранных дел (далее КИД) полковнику Кишенскому, письма и прошения Убаши к Императрице Екатерине II, к Великому кн. Павлу Петровичу и экстракты переписки Убаши с гр. Паниным. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). ф.119, оп.119/2, д.30; Дело об отгоне калмыками от киргиз-кайсаков лошадей и о подозрении первых в намерении откочевать из России. АВПРИ. ф.119, оп. 119/2. 1767-1770, д.31; О побеге волжских калмыков за границу из России и преследовании их россиянами. АВПРИ. ф.119, оп. 119/2. 1771-1772, д.34.
7. Письмо оренбургского губернатора Рейндорпа казахскому хану Нуралы от 25 января 1771 г. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л. 77-78 об.
8. Донесение оренбургского губернатора Рейндорпа в КИД от 03 февраля 1771 г. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.40-41.
9. Перевод письма Нуралы Рейнсдорпу от 25 января 1771 г. (переводил толмач Андрей Васильев). АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.71-71 об.
10. Письмо оренбургского губернатора Рейндорпа казахскому хану Нуралы от 1 февраля 1771 г. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.77-78 об.
11. Перевод письма Нуралы Рейнсдорпу от 10 февраля 1771 г. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.108-108 об.
12. Рапорт в войсковую канцелярию от старшины Бородина 15 января 1770 г. АВПРИ. ф.119, оп.119/2. 1767-1770, д.31, л.405 об.
13. Перевод письма Нуралы Рейнсдорпу от 25 января 1771 г. (переводил толмач Андрей Васильев). АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.71-71 об.

14. Перевод письма Нуралы Рейнсдорпу от 25 января 1771 г. (переводил толмач Андрей Васильев). АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.71-71 об.
15. Письмо Нуралы хана своему сыну, в аманатах содержащегося. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.155-155 об.
16. Письмо Нуралы хана оренбургскому губернатору Рейнсдорпу от 1 февраля 1771 г. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.79.
17. Письмо Айчувак султана оренбургскому губернатору Рейнсдорпу. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.206 об.-207.
18. Рапорт астраханского мурзы князя Нурадина Урусова астраханскому губернатору Бекетову. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.244.
19. Рапорт астраханского мурзы князя Нурадина Урусова астраханскому губернатору Бекетову. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.244.
20. Из Краткого известия о побеге торгоутовских калмык от реки Волги. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.428-438. Л.431 об.
21. Рапорт полковника фон Траубенберга оренбургскому губернатору Рейнсдорпу от 13 мая 1771 г. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.341.
22. Рапорт полковника фон Траубенберга оренбургскому губернатору Рейнсдорпу от 13 мая 1771 г. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.341.
23. Рапорт полковника фон Траубенберга оренбургскому губернатору Рейнсдорпу от 13 мая 1771 г. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.341 об. - 342.
24. Рапорт полковника фон Траубенберга оренбургскому губернатору Рейнсдорпу от 13 мая 1771 г. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.342.
25. Донесение в КИД Матвея Арапова, переводчика при оренбургском губернаторе И. А. Рейнсдорпе. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.357.
26. Перевод письма Нуралы Рейнсдорпу. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.440 об.
27. Отчет казацкого атамана Волошанина о погоне за бегущими калмыками. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.582 об.
28. Генерал-майор С.К. Станиславский - командующий войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом
29. Отчет Станиславского от 21 ноября 1771 г. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.578 - 578 об.
30. «Краткое известие о восстании торгоутовских калмыков против царского правительства и их бегство в Зенгорию». АВПРИ. ф.119, оп.119/5.1770-1771, д.25, л.20.
31. Перевод письма Убаши киргиз-кайсацкому Нурали хан. АВПРИ. ф.119, оп.119/2. 1771-1772, д.34, л.358 об.
32. Перевод письма Убаши киргиз-кайсацкому Нурали хан. АВПРИ. ф.119, оп.119/2. 1771-1772, д.34, л.358.
33. Перевод с татарского письма писанного на имя киргиз-кайсацкого Нуралея от калмыцкого наместника Убаши (Урусов посылает Бекетову в июне 1771 г.). АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.411-411 об.
34. Рапорт Урусова в КИД от 16 апреля 1771 г. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.245 об. – 246.
35. Рапорт Урусова в КИД от 16 апреля 1771 г. АВПРИ. ф. 119, оп. 119/2. 1771-1772, д. 34, л.245 об. – 246.

Список литературы

Howarth A., Jaakko H., Sina St., Nivi M. Adib B. Nomads' Land: Exploring the Social and Political Life of the Nomad Category. *International Political Sociology.* 2024. Vol.18, no.4, pp.313–331. DOI: 10.1093/ips/olab035

Khodarkovsky M. *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads,* 1600–1771. Ithaca-London: Cornell University Press. 1992. 280 p.

Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier.* The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington–Indianapolis: Indiana University Press. 2002. 304 p.

Myadar O. *Mobility and Displacement: Nomadism, Identity and Postcolonial Narratives in Mongolia.* 1st ed. London: Routledge. 2021. 136 p.

Бакаева Э. *Сакральные коды культуры калмыков.* Элиста: "Институт комплексных исследований аридных территорий" (ИКИАТ). 2009. 159 с.

Васильев Д. *Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в.* СПб.: Дмитрий Буланин. 2020. 608 с.

Горяев М. *Вовлечение Калмыкии в общественно-экономическую систему Российской империи (последняя треть XVIII – конец XIX века).* Элиста: Джангар. 2013. 224 с.

Горяев М. *Калмыкия в составе Российской империи: особенности социально-экономического и политического положения (1771–1825 гг.)*. Элиста: Джангар. 2009. 131 с.

Дорджиева Е. *Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы.* 2002. 212 с.

Колесник В. *Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв.: учебное пособие.* Элиста Издательство Калмыцкого государственного университета. 1997. 136 с.

Колесник В. Ошибка хана Убаши. *Вестник КалмГУ.* 2016. No.1(29), с.11-20.

Колесник В. *Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII вв*. Москва: Весь мир. 2003. 135 с.

Команджаев Е.А. *Административная система Калмыкии в XVIII–XIX вв.* Элиста: Издательство Калмыцкого государственного университета. 2009. 100 с.

Кундакбаева Ж. *«Знаком милости Е. И. В.» Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке.* Москва: АИРО-XXI. 2005a. 304 с.

Кундакбаева Ж. *Организация имперского пространства в кочевой среде: казахи и волжские калмыки в орбите внимания России в XVIII веке.* Алматы: Қазақ университеті. 2019. 384 с.

Кундакбаева Ж. *Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения.* Москва: АИРО-XXI. 2005b. 105 с.

Кундакбаева Ж. «Из твердого моего ее императорскому величеству усердия вам доношу». Письма казахского хана Нурали оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу во время откочевки калмыков в Джунгарию 1770–1771 гг. Сост. Ж. Кундакбаева. И*сторический архив.* 2009. No.1, с.201–211.

Максимов К. Организация управления калмыцким народом в конце XVIII — первой четверти XIX вв. *Nomadic civilization: historical research.* 2021. No.1(1), с.54–65.

Митруев Б. Письмо Убаши-хана из монастыря Лабранг в свете данных тибетских источников о связях калмыков с духовными иерархами. *Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук.* 2023. No.1(25), с.8–43. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-8-43.

Омакаева Э. Число и цвет в текстах калмыцкой мифоритуальной традиции. *Серия «Мыслители». Смыслы мифа: мифология в истории и культуре.* Вып. 8. Сб. в честь 90-летия профессора

М.И. Шахновича. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Издание текстов, введение, транслитерация, перевод со старокалмыцкого на современный калмыцкий язык, словарь Д. Гедеевой. Элиста: «Джангар». 2004. 196 с.

Сураганова З. *Обмен дарами в казахской традиционной культуре.* Астана: (б. и.) 2009. 192 с.

Цюрюмов А. *Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений.* Элиста: «Джангар». 2007. 464 с.

Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов / Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АО «АБДИ Компани». 2014. 696 с.; T.II. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. Алматы: АО «АБДИ Компани». 2014. — 1032 с.

Юр.-Ко. (Костенко Ю.) Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк. У*ральские войсковые ведомости.* 1869a. No.6, с.3–7.

Юр.-Ко. (Костенко Ю.) Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк. *Уральские войсковые ведомости.* 1869b. No.7, с.2–7.

Юр.-Ко. (Костенко Ю.) Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк. *Уральские войсковые ведомости.* 1869c. No.8, с.4–9.

Юр.-Ко. (Костенко Ю.) Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк. *Уральские войсковые ведомости.* 1869d. No.10, с.2–7.

Ярмаркина Г. Число в калмыцких деловых текстах XVII–XVIII вв. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов). *Oriental Studies.* 2022. No.15(5), с.1173–1181. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-63-5-1173-1181

References

Howarth A., Jaakko H., Sina St., Nivi M. Adib B. Nomads' Land: Exploring the Social and Political Life of the Nomad Category. *International Political Sociology.* 2024. Vol.18, no.4, pp.313–331. DOI: 10.1093/ips/olab035 (in English)

Khodarkovsky M. *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771*. Ithaca–London: Cornell University Press. 1992. 280 p. (in English)

Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800.* Bloomington–Indianapolis: Indiana University Press. 2002. 304 p. (in English)

Myadar O. *Mobility and Displacement: Nomadism, Identity and Postcolonial Narratives in Mongolia.* 1st ed. London: Routledge. 2021. 136 p. (in English)

Bakaeva E. *Sakralnye kody kultury kalmykov.* Elista: Institute for Complex Research of Arid Territories (IKIAT) Publ. 2009. 159 p. (in Russian)

Vasiliev D. *The Birth of an Empire: The South-East of Russia in the 18th – First Half of the 19th Century.* St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2020. 608 p. (in Russian)

Goryaev M. *Vovlechenie Kalmykii v obshchestvenno-ekonomicheskuiu sistemu Rossiiskoi imperii (posledniaia tret XVIII – konets XIX veka).* Elista: Dzhangar. 2013. 224 p. (in Russian)

Goryaev M. *Kalmykiia v sostave Rossiiskoi imperii: osobennosti sotsialno-ekonomicheskogo i politicheskogo polozheniia (1771–1825 gg.)*. Elista: Dzhangar. 2009. 131 p. (in Russian)

Dordzhieva E. *Iskhod kalmykov v Kitai v 1771 g. Rostov-on-Don: Publishing House of the North Caucasus Research Center of Higher Education.* 2002. 212 p. (in Russian)

Kolesnik V. *Demograficheskaia istoriia kalmykov v XVII–XIX vv.: uchebnoe posobie.* Elista: Kalmyk State University Press. 1997. 136 p. (in Russian)

Kolesnik V. "The Error of Khan Ubashi". *Bulletin of KalmGosU*. 2016. No.1(29), pp. 11-20. (in Russian)

Kolesnik V. *Poslednee velikoe kocheve: Perekhod kalmykov iz Tsentralnoi Azii v Vostochnuiu Evropu i obratno v XVII i XVIII vv.* Moscow: The whole world Publ. 2003. 135 p. (in Russian)

Komandzhaev E. *Administrativnaia sistema Kalmykii v XVIII–XIX vv.* Elista: Kalmyk State University Press. 2009. 100 p. (in Russian)

Kundakbaeva Zh. *"Znakom milosti E. I. V." Rossiia i narody Severnogo Prikaspiia v XVIII veke"*. Moscow: AIRO-XXI Publishing House 2005a. 304 p. (in Russian)

Kundakbayeva Zh. *Organizatsiia imperskogo prostranstva v kochevoi srede: kazakhi i volzhskie kalmyki v orbite vnimaniia Rossii v XVIII veke*. Almaty: Qazaq University. 2019. 384 p. (in Russian)

Kundakbaeva Zh. *Politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii narodov Severnogo Prikaspiia v XVIII veke: istoriografiia problemy i istochniki izucheniia.* Moscow: AIRO-XXI Publishing House. 2005b. 105 p. (in Russian)

Kundakbaeva Zh. Iz tverdogo moego ee imperatorskomu velichestvu userdiia vam donoshu». Pisma kazakhskogo khana Nurali orenburgskomu gubernatoru I. A. Reinsdorpu vo vremia otkochevki kalmykov v Dzhungariiu 1770–1771 gg. Sost. Zh. Kundakbaeva. *Historical archive.* 2009. No.1, pp.201-211. (in Russian)

Maksimov K. "Organization of the Governance of the Kalmyk People in the Late 18th — First Quarter of the 19th Century". Nomadic Civilization: *Historical Research.* 2021. No.1(1), pp.54–65. (in Russian)

Mitryuev B. Pismo Ubashi-khana iz monastyria Labrang v svete dannykh tibetskikh istochnikov o sviaziakh kalmykov s dukhovnymi ierarkhami. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 2023. No.1(25), pp.8–43. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-8-43. (in Russian)

Omakaeva E*. Chislo i tsvet v tekstakh kalmytskoi miforitualnoi traditsii. Series 'Mysliteli' (Thinkers) Meanings of Myth: Mythology in History and Culture.* Issue 8. Collection in honor of the 90th birthday of Professor M. I Shakhnovich. Saint Petersburg: Saint Petersburg Philosophical Society. 2001. (in Russian)

Pisma namestnika Kalmytskogo khanstva Ubashi (XVIII v.). Faksimile pisem. Izdanie tekstov, vvedenie, transliteratsiia, perevod so starokalmytskogo na sovremennyi kalmytskii iazyk, slovar D. Gedeevoi. Elista: Dzhangar. 2004. 196 p. (in Russian)

Suraganova Z. *Pisma namestnika Kalmytskogo khanstva Ubashi (XVIII v.).* Faksimile pisem. Izdanie tekstov, vvedenie, transliteratsiia, perevod so starokalmytskogo na sovremennyi kalmytskii iazyk, slovar D. Gedeevoi. Astana: (n. p.). 2009. 192 p. (in Russian)

Tsyuryumov A. *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii.* Elista: Dzhangar. 2007. 464 p. (in Russian)

Epistoliarnoe nasledie kazakhskoi praviashchei elity 1675-1821 godov. Vved., biogr., komment., sost. i red. I. Erofeevoi. T. I. Pisma kazakhskikh pravitelei. 1675–1780 gg. Almaty: AO "ABDI Company". 2014. (in Russian)

Yur.-Ko. (Kostenko Yu.) Begstvo kalmykov v Kitai v 1771 godu. Istoricheskii ocherk. *Uralskiye Voiskovye Vedomosti.* 1869a. No.6, pp.3–7. (in Russian)

*Y*ur.-Ko. (Kostenko Yu.) Begstvo kalmykov v Kitai v 1771 godu. Istoricheskii ocherk. *Uralskiye Voiskovye Vedomosti.* 1869b. No.7, pp.2–7. (in Russian)

Yur.-Ko. (Kostenko Yu.) Begstvo kalmykov v Kitai v 1771 godu. Istoricheskii ocherk. *Uralskiye Voiskovye Vedomosti.* 1869c. No.8, pp.4–9. (in Russian)
Yur.-Ko. (Kostenko Yu.) Begstvo kalmykov v Kitai v 1771 godu. Istoricheskii ocherk. *Uralskiye Voiskovye Vedomosti.* 1869d. No.10, pp.2–7. (in Russian)
Yarmarkina G. Chislo v kalmytskikh delovykh tekstakh XVII-XVIII vv. (na materiale pisem khana Aiuki i ikh russkikh perevodov). *Oriental Studies.* 2022. No.15(5), pp.1173–1181. (in Russian)

Information about authors

Zhanat B. Kundakbaeva – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Kazakhstan, Al-Farabi Kazakh National University, Al-Farabi Ave, 71, Almaty, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0003-3074-6332, janbekkun@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Жанат Бековна Құндақбаева – тарих ғылымдарының докторы, Қазақстан тарихы кафедрасының профессоры, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Әл-Фараби даңғ,, 71, Алматы, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0003-3074-6332, janbekkun@mail.ru

Сведения об авторах

Жанат Бековна Кундакбаева – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана Казахского национального университета имени аль-Фараби, пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, https://orcid.org/0000-0003-3074-6332, janbekkun@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. ***Мүдделер ақтығысы туралы мәлімдеме:*** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді***. Заявление о конфликте интересов:*** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 06.06.2025.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 09.08.2025.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.09.2025.